

Ю.А. НИСНЕВИЧ

Правящая номенклатура сегодня: “захват государства”

Российская номенклатура, начавшая формироваться при президенте Б. Ельцине, в период президентства В. Путина претерпела некоторые трансформации, обусловленные усилением притока во власть представителей бывших советских спецслужб и других кадров, лично связанных с новым президентом. В результате реализации политического проекта по построению “вертикали власти” произошел переход от “скупки государства” к его коррупционному “захвату” номенклатурно-олигархическими кланами, который обеспечивается суперпрезидентским государственным режимом.

Ключевые слова: номенклатура, правящий социальный слой, номенклатурно-олигархические кланы, скупка государства, захват государства.

Russian nomenclature began to take its shape under President Boris Yeltsin. During the presidency of Vladimir Putin it was undergone some transformation according to increased occurrence into the power representatives of the former Soviet secret police and other officials, personally connected with the new president. As a result of the political project of building the “vertical of power” was a transition from “state buying” to a specific clannish nomenclature-oligarchic corrupt “state capture”, which is ensured by the super presidential regime.

Keywords: nomenclature, the ruling social stratum, nomenclature-oligarchic clans, state buying, state capture.

Операция “преемник”, в результате которой в 2000 г. президентом России стал В. Путин, завершила становление в постсоветской России номенклатурно-олигархического режима и регенерацию номенклатуры как господствующего социального слоя. Этот политический прецедент и его итоги стали, по-видимому, наиболее опасной для судьбы российского государства частью политического наследия президента Б. Ельцина. На выборах 2000 г. впервые произошла смена главы государства, не сопровождавшаяся изменением политико-социального представительства в институте президентской власти, которая окончательно превратилась в главный институциональный форпост российской неономенклатуры.

Этот социальный слой к концу срока президентских полномочий Ельцина сформировался в качестве правящего в результате слияния в единое целое значительной части государственной бюрократии (большинство в которой составляли выходцы из советской партийно-хозяйственной номенклатуры) и “назначенных собственников”, находящихся на особо привилегированном положении в российской экономике. Неономенклатура представляла собой прямую наследницу своей советской предшественницы, так как среди ее государственно-бюрократической составляющей оказалось 77% выходцев из “старой” номенклатуры, а среди экономической составляющей – 41% (причем среди 59% неноменклатурных предпринимателей значительную долю

Нисневич Юлий Анатольевич – доктор политических наук, профессор кафедры прикладной политологии Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики, профессор кафедры политических наук Российского университета дружбы народов.

составляли выходцы из номенклатурных семей и “уполномоченные” соответствующих кланов) [Крыштановская, 2005, с. 318].

При этом ни советская, ни ее наследница – российская номенклатура по механизму своего формирования и по своим онтологическим свойствам меритократической (ценностной) элитой не была и не стала. А использование в отношении этой правящей социальной группы понятия “элита” даже в альтиметрическом смысле (кто “наверху” правит, тот и элита) создает ей незаслуженный ореол исключительности и избранности и в определенной мере обосновывает ее правление и доминирующее положение в обществе. Как справедливо отмечает Н. Лапина, “Сегодня у власти в России находятся люди, не являющиеся стратегически мыслящей элитой. Идеология у них отсутствует, но есть определенная политическая риторика, заявления о приверженности великодержавности и сильному государству, которое они понимают в собственных интересах как перераспределение собственности и власти...” [Лапина, 2005, с. 45].

Такое постреволюционное развитие ситуации с политической и государственной властью во многом было обусловлено состоянием российского общества. Это состояние точнее всего характеризует категория “восстание масс” – социальный феномен, исследованный Х. Ортегой-и-Гассетом. В результате революционных событий начала 1990-х гг. была разрушена советская социальная иерархия, на вершине которой стояла господствующая советская номенклатура, и возникла возможность того, чтобы “вся власть в обществе перешла к массам”, то есть к российским гражданам, освободившимся от оков советской системы. Масса социальной энергии вырвалась наружу, но, как и предупреждал испанский философ и социолог, эта энергия, не будучи еще достаточно упорядоченной в целях поступательного развития, обладала как созидательным, так и разрушительным потенциалом. Предостерегая от возможных негативных последствий “восстания масс”, он писал: “Культурная и моральная неподготовленность человека массы к его новой роли и функциям, его стремление к удовлетворению своих appetitов и вожделений любыми средствами грозит разрушением всего того, что подняло его на качественно новый социальный уровень и расширило его жизненные возможности... Массы знают, что когда им что-либо не нравится или чего-нибудь сильно захочется, они могут достигнуть всего без усилий и сомнений, без борьбы и риска: им достаточно нажать кнопку, и чудодейственная машина государства тотчас сделает, что нужно. Эта легкая возможность всегда представляет для масс сильное искушение” [Ортега-и-Гассет, 1989, с. 124]. К сожалению, зараженное идеями советского этатизма, квинтэссенция которых выражается формулой Б. Муссолини “все для государства, ничего кроме государства, ничего против государства” (цит. по [История...]), российское общество пошло по пути формирования массового общества, которое создает социальную основу для тотального проникновения патерналистского государства во все сферы жизни социума. Этим умело воспользовалась новая старая номенклатура, вернувшая себе политическую и государственную власть.

Трансформации номенклатуры при президенте Путине

Приход к власти генетически связанного со спецслужбами президента в полном соответствии с номенклатурным nepoтизмом, подбором и расстановкой кадров по критерию личной преданности привел к резкому усилению притока во власть “людей в погонах”. Прежде всего, представителей бывших советских спецслужб (КГБ, ГРУ и др.) и связанных с ними людей во все структуры государственной власти на федеральном и региональном уровне. Данная тенденция наблюдалась в течение всего процесса становления номенклатурно-олигархического режима и российской номенклатуры как правящего социального слоя. Но во время правления команды Путина их присутствие в органах государственной власти увеличилось по сравнению с 1988 г. почти в 7 раз, а в высшем руководстве государства – в 12 раз. При М. Горбачеве доля этих людей составляла 3,7%; при Ельцине она к 1999 г. увеличилась до 17,4%; уже

в первые годы правления нынешнего президента данный показатель достиг почти 25%, а в высшем эшелоне руководства – 70% [Крыштановская, 2005, с. 270].

Эту тенденцию в определенной мере можно рассматривать как процесс восстановления прежних силовых стабилизаторов советской номенклатуры по стереометрической модели М. Восленского [Восленский, 2005, с.168–175], но уже в виде некой опорной конструкции внутри самого тела российской номенклатуры. Однако далеко не все ее политико-экономические группировки готовы безропотно подчиняться “силовой стабилизации”. Это, как показывает современная российская практика, приводит к обострению номенклатурной клановой борьбы, выражающейся, в частности, в достаточно известном и публичном противостоянии между так называемыми “либералами” и “силовиками”. Причем среди группировок самих “стабилизаторов”, опирающихся на разные силовые ведомства (ФСБ, Федеральная служба охраны, Министерство обороны, Министерство внутренних дел, Генеральная прокуратура, Следственный комитет и др.), согласия тоже нет. Между этими группировками происходит достаточно жесткая борьба за влияние на различные сферы российской экономики и государственной политики.

Путин опирается на силовую составляющую российской номенклатуры и прежде всего на представителей бывших советских и действующих российских спецслужб, полагая, что только таким образом он сможет обеспечить стабильность власти. Но фактически это скорее способствует ее дестабилизации, еще большему нарушению необходимого равновесия между тремя опорными механизмами государства – государственным аппаратом, армией и службами безопасности, которые перестали четко и добросовестно выполнять свои функции и профессиональные обязанности. Спецслужбы в ущерб профессиональной деятельности по обеспечению безопасности граждан и страны, конкурируя друг с другом, вмешиваются в работу государственного аппарата и экономическую сферу, незаконно “патронируют” предпринимательские структуры или сами участвуют в предпринимательстве. Притом они уже не только “под ковром”, но и публично выясняют отношения друг с другом. Об этом свидетельствует, например, открытое письмо директора Федеральной службы контроля за оборотом наркотиков В. Черкесова (в прошлом генерала КГБ) о “междоусобице спецслужб” и роли “чекизма” в современной России [Черкесов, 2007]. Или же обращение арестованного сотрудника этого же ведомства генерала А. Бульбова, в котором утверждается, что его уголовное преследование инспирировано сотрудниками ФСБ (см. [Никольский, Преображенский, 2007]). Еще одним наглядным примером противостояния на этот раз Генеральной прокуратуры и Следственного комитета может служить так называемое “игорное дело” подмосковных прокуроров [Дело...].

Следует также отметить, что увеличение притока “людей в погонах” в органы государственной власти при нынешнем президенте привело к деинтеллектуализации и “провинциализации” руководства государства. Так, доля лиц, имеющих ученую степень, к 2002 г. уменьшилась по сравнению с 1993 г. более чем в два раза – с 52,3% до 20,9%, тогда как доля выходцев из сельской местности, напротив, увеличилась с 23,1% до 31% [Крыштановская, 2005, с. 269]¹.

Но наиболее знаковой тенденцией, усилившейся в годы президентства Путина, стала “скупка государства” номенклатурно-олигархическими кланами, которая определяется как “способность фирм воздействовать на формирование базовых правил игры (то есть законов, указов, положений и инструкций) посредством незаконных и непрозрачных частных выплат публичным должностным лицам” [Hellman, Jones, Kaufmann, 2000, p. 2]. Несмотря на все публичные заявления президента о “необходимости отделения власти от бизнеса”, в семь раз возросла доля ставленников

¹ При этом в правящей номенклатуре стало ныне престижно и модно, наряду с домом на Рублевском шоссе, иметь ученую степень и звание. Что, однако, не способствует интеллектуализации руководства государства, поскольку многие так называемые “диссертации”, которые защищают государственные деятели, имеют мало общего с интеллектуальной научной работой и во многом представляют примитивный плагиат. Это подтверждают исследования, проводимые по проекту “Диссернет” [Вольное...].

финансово-промышленных групп в органах государственной власти; почти в два раза – представительство во власти земляков (соучеников и сослуживцев) главы государства: доля первых увеличилась с 1,6% при президенте Ельцине (в 1993 г.) до 11,3% при президенте Путине (в 2002 г.), а вторых – с 13,2% до 21,3% [Крыштановская, 2005, с. 269].

Приток в органы госвласти в принципе не чуждых номенклатурной среде представителей бывших советских спецслужб, хорошо знающих правила и владеющих механизмами жизнедеятельности номенклатуры, но не сумевших, по их мнению, должным образом поучаствовать в первоначальном разделе власти и собственности, естественным образом привел к обострению борьбы между номенклатурно-олигархическими группировками. С 2000 г. в России начался новый номенклатурный передел власти и собственности под прикрытием публично декларируемых президентом Путиным лозунгов об укреплении государства, о равном удалении от власти “олигархов”, о защите государственных интересов от тех, кто незаконно приобрели собственность или уходили от налогов, о борьбе с коррупцией и пр. Наиболее яркие и публично известные примеры такого номенклатурного передела – “дело Гусинского” и “дело ЮКОСа”, а сотни по сути подобных, но только менее масштабных и потому менее широко известных процессов происходили и происходят как в Центре, так и в регионах.

В результате упомянутого передела произошло видоизменение политико-экономических группировок, ставших доминирующими в правящей номенклатуре. Сначала в государственной бюрократии, а затем и в целом в номенклатурно-олигархических группировках лидирующие позиции заняли земляки президента из Санкт-Петербурга и его сослуживцы по КГБ, а также тесно связанные с ними бывшие советские номенклатурные кадры. Так как новым доминирующим группировкам органически свойственны непубличные методы борьбы, изменилась стилистика номенклатурной конкуренции, которая стала вестись более “кровожадно” – до практически полного уничтожения конкурентов, а все действия стали осуществляться преимущественно как “специкации” под тем или иным пропагандистским прикрытием.

Конгломерат стремящихся к доминированию новых и удачно мимикрировавших старых номенклатурно-олигархических группировок вытеснили ту часть кланов, которые пытались сохранить свои позиции в неизменном виде. При этом с приходом к власти команды президента Путина количество правящих государством номенклатурно-олигархических группировок не только не уменьшилось, но заметно увеличилось и они стали значительно богаче.

Об этом, в частности, свидетельствуют ежегодно публикуемые данные журнала “Forbes” о количестве российских миллиардеров. Когда в 1997 г. российские предприниматели впервые попали в список миллиардеров, их было четверо (Б. Березовский, М. Ходорковский, В. Алекперов, Р. Вяхирев). В 2001 г. – семеро (М. Ходорковский, В. Потанин, В. Богданов, Р. Вяхирев, Р. Абрамович, В. Алекперов, М. Фридман). В 2013 г. количество таких людей возросло до 111. Среди них есть как новые лица (Г. Тимченко, Ю. Ковальчук, А. Ротенберг и др.), так и много знакомых по 1990-м гг. (А. Усманов, М. Фридман, В. Вексельберг, В. Алекперов, В. Потанин, В. Лисин, А. Мордашев, Р. Абрамович, О. Дерипаска и др.).

Еще одним косвенным свидетельством того, что российской номенклатуре свойственна тенденция к расширению, особенно в своей государственно-бюрократической части, может служить тот факт, что с 2000 по 2012 г. численность работников государственных органов и органов местного самоуправления увеличилась более чем на треть – с 1,16 млн до 1,57 млн человек (при максимуме в 1,64 млн, который был достигнут в 2010 г.) [Российский... 2013]. Для сравнения: численность управленческого аппарата в СССР составляла примерно 663 тыс. человек [Гаман-Голутвина, 2007]. Естественно, не все работники государственных органов и органов местного самоуправления относятся к правящей номенклатуре, но те, кто составляют верхние эшелоны этой корпорации, в подавляющем большинстве к ней принадлежат.

Тенденция российской номенклатуры к количественному расширению обусловлена тем, что каждый, кто в нее инкорпорируется, приводит за собой своих “родных и близких”, стремится создать свой хотя бы маленький клан. Пока еще органически присущая номенклатурной среде жесткая конкурентная борьба политико-экономических группировок за власть и собственность в настоящее время – в отличие от периода президентства Ельцина – не столь существенно дестабилизирует социально-экономическую обстановку. Более того, в стране даже до последнего времени происходил рост ВВП (правда, в основном за счет развития сырьевых и добывающих отраслей) и рост доходов населения (правда, отстающий от роста цен и инфляции). При Путине у правящего режима в результате значительного по уровню и достаточно длительного во времени повышения на мировых рынках цен на нефть и другие энергоносители появился существенный запас нефтедолларов для социально-экономического балансирования. При этом российская экономика, как в свое время и советская, села на нефтегазовую иглу, а управление страной осуществляется в соответствии с остроумно сформулированным Е. Гайдаром законом – чем выше цены на нефть, тем ниже IQ (показатель умственного развития, уровня имеющихся знаний и осведомленности) правительства.

Однако в результате указанных процессов возрастает социальное расслоение российского общества. Так, только по официальным данным Росстата децильный коэффициент (соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения) увеличился в период с 2000 по 2012 г. с 13,9 до 16,4. Между тем превышение этим показателем значений в 8–10 считается социально взрывоопасным [Федеральная...].

Российская и советская номенклатура: сопоставительный анализ

За двадцать с лишним лет, прошедших со времени краха советского строя, правящая российская номенклатура естественным образом стала по персональному составу значительно отличаться от своей предшественницы, по-прежнему оставаясь ее прямой наследницей. Основным механизмом формирования новой номенклатуры служит протекционистский механизм назначения на административно и экономически значимые должности в государственном и негосударственном секторах, исходя из критерия личной преданности клану и его лидерам. А основным механизмом вертикальной мобильности в номенклатурной среде – “хождение по трупам”, умение вовремя предать и перейти в тот клан, который становится доминирующим, побеждая в постоянной борьбе за власть и ресурсы [Нисневич, 2007, с. 236]. Даже активно мифологизируемая “чекистская солидарность и корпоративность” быстро заканчивается, когда дело касается личных корыстных интересов, особенно связанных со значительными финансовыми ресурсами и собственностью.

Основная цель советской номенклатуры – достижение личного материального обогащения и социального превосходства в еще большей мере присуща номенклатуре нынешней, причем в значительно более выраженной денежной форме и в форме явного владения собственностью. Поэтому для российской номенклатуры государственная власть также представляет средство удовлетворения ее материальных и социальных устремлений, а основа ее жизнедеятельности – использование в личных корыстных интересах должностных полномочий и административного ресурса государственной власти, что составляет суть институционального механизма коррупции во всем многообразии ее проявлений.

Но есть и существенные отличия от советского времени. Прежде всего корыстные материальные и социальные устремления советской номенклатуры не могли и не распространялись за пределы СССР, отгороженного даже от государств социалистического лагеря “нерушимыми границами”, а от всего остального мира – “железным занавесом”. Лишь непосредственно накануне распада СССР, когда его неизбежность стала совершенно очевидной, некоторые наиболее предприимчивые представители советской номенклатуры начали выводить за пределы “горячо любимой родины” подконтрольные им финансовые и материальные ресурсы. Для российской же номенклатуры

конечный и самый вожаемый пункт ее корыстных материальных и социальных устремлений – обеспечение роскошной жизни себе и своим “чадам и домочадцам” в развитых и богатых странах, прежде всего таких, как США и страны Европейского союза. И именно для этого под дымовой завесой лозунгов о патриотизме российская номенклатура во все возрастающих объемах выводит и накапливает финансовые ресурсы за пределами России и скупает там собственность.

Поэтому по используемой М. Олсоном классификации правителей, советскую номенклатуру можно определить как “стационарного бандита”, который обирает подвластных не до нитки, что-то оставляя им на существование и даже на развитие – для поддержания источника своих постоянных доходов [Олсон, 2012, с. 33–37]. Чтобы решить эту задачу, она создала полностью подконтрольную ей иерархическую и жестко централизованную систему формализованных политических и государственных институтов тотального принуждения, контроля и распределения.

А российская номенклатура – это, по Олсону, “кочевой бандит”, который стремится максимально обобрать население захваченной им страны и уйти в другое место. Поэтому она не строит устойчивые формализованные политические и государственные институты, а создает лишь постоянно трансформирующуюся институциональную ширму для прикрытия неформальных, основанных на властном принуждении практик извлечения доходов в свою пользу. Правящая российская номенклатура – временщик, “ахиллесова пята” которого – то, что личные финансовые активы и собственность большинства ее представителей находятся под юрисдикцией других государств. Их власти могут по своему усмотрению замораживать счета и арестовывать собственность российской номенклатуры, используя это в качестве эффективной, как показывает мировая политическая практика последнего времени, меры воздействия на тех, кто сегодня правят Россией.

Принципиально важно и то, что российская номенклатура получила более широкие возможности передавать по наследству не только места в своей среде, но и захваченные материальные ресурсы и собственность, не говоря об обучении номенклатурных наследников в зарубежных университетах и использовании их для создания за границей плацдармов и “запасных аэродромов” [Дети... 2012; 2013; Кожевникова, 2012; Жохова, 2013; Жохова, Васильев, 2014]. Расширение горизонтов номенклатурного наследования усиливает отмеченную Восленским применительно к советской номенклатуре тенденцию к самовоспроизводству [Восленский, 2005, с. 164].

В целом российская номенклатура (так же, как и советская) – конгломерат постоянно борющихся друг с другом за власть и ресурсы политико-экономических кланов и их группировок. Однако советская номенклатура имела иерархическую, строго централизованную и формально регламентированную конструкцию, которую тот же Восленский описал в виде стереометрической модели – конус с конической же сердцевиной – монопольно правящей КПСС. При этом и инкорпорация в советскую номенклатуру жестко регламентировалась и контролировалась ее внутренним жестким коническим стержнем, что обуславливало ее преимущественно закрытый характер [Крыштановская, 2005, с. 103–109]. В результате номенклатурно-демократической революции начала 1990-х гг. из тела номенклатуры был “изъят” внутренний жесткий стержень – монопольно правящая партия. В этом смысле Единая Россия, как и любая другая псевдопартийная структура, создаваемая российской номенклатурой, всегда будет качественно отличаться от КПСС. Та определяла правила жизнедеятельности правящей номенклатуры и являлась порождающим ее жестким внутренним стержнем, а партия типа Единой России – инструмент, созданный и управляемый неономенклатурой для законодательного оформления ее интересов и целей в качестве общегосударственных и имитации публичной политической деятельности.

“Изъятие” внутреннего стержня усилило такое онтологическое свойство, присущее еще советской номенклатуре, как инклюзивность, ее способность и стремление проникать во все наиболее политически, экономически и социально значимые как государственные, так и негосударственные институты и структуры с целью подчинения

их своему влиянию. Российская номенклатура постоянно стремится к расширению занимаемого ею пространственного объема во всех сферах жизнедеятельности общества и государства. Сегодня представители правящего слоя, их наследники и ставленники захватили ведущие позиции не только во всех акционерных обществах с государственным участием, занимающих монопольное положение в различных секторах российской экономики (Газпром, Роснефть, Аэрофлот, Российские железные дороги и пр.). Они занимают важные позиции и в крупных частных компаниях, и в банках, активно проникают в сферы образования, науки и культуры, возглавляют общественные организации и творческие союзы.

Лишившись своей сердцевины, правящая номенклатура превратилась в похожую на кочковатую болотную трясику бугристую массу с множеством разных неравномерно-многоступенчатых выступов, которая, как раковая опухоль, поражает не только государственную бюрократию, но структуры административного управления всех экономически и социально значимых институтов и систем жизнедеятельности общества и государства. Неравномерно-многоступенчатые выступления на поверхности российской номенклатуры соответствуют и повторяют иерархические построения системы государственного управления и других пораженных ею административных систем. При этом внутреннее построение политико-экономических группировок российской номенклатуры может не совпадать с иерархическим построением пораженных ею государственных и иных административных систем, в частности фактические лидеры таких группировок могут не занимать высокие руководящие должности и находиться вне поля публичности.

Следует отметить, что переход неономенклатуры на выражение своих меркантильных интересов непосредственно в форме финансовых активов и частной собственности, а также нацеленность данной группы на роскошную жизнь за пределами своей страны обуславливает ее существенно большую, чем у номенклатуры советского образца, гибкость в сфере экономики и приспособляемость к условиям рынка и мировым экономическим порядкам. Все это, как уже говорилось, делается исключительно для обеспечения собственных интересов. Хуже, однако, то, что возможность для каждого представителя нового правящего слоя создать личный “запасной аэродром” за рубежом закрепляет трансформацию неономенклатуры из “стационарного” в “кочевого бандита”, окончательно превращая ее во временщика, теряющего чувство самосохранения в стремлении любой ценой и любыми средствами как можно дольше удерживать власть в своих руках. Поэтому “отскрести” российскую номенклатуру от государственной власти или упразднить ее изменением социальной структуры общества – куда сложнее, чем это было с номенклатурой старого образца.

Коррупционный “захват государства” российской номенклатурой

С приходом к власти команды Путина, в процессе регенерации номенклатуры как правящего социального слоя начался переход от “скупки” государства номенклатурно-олигархическими кланами к коррупционному “захвату” ими государства. Последний представляет собой высшую системную форму коррупции, при которой государственная власть приватизируется правящими политико-экономическими группировками, а все властно-принудительные полномочия и виды административного ресурса направляются на захват земли, природных богатств, основных финансовых потоков, самых прибыльных экономических агентов в государственном и частном секторе, а также наиболее влиятельных СМИ для их использования в целях материального обогащения членов правящих группировок [Нисневич, 2012, с. 116–117].

Коррупционный “захват государства” составлял суть политического проекта Путина, провозглашенного им сразу же после вступления в должность президента России – проекта построения “вертикали власти” [Телевизионное... 2000]. Его реализация проводилась по стандартной схеме “захвата” государства, который начинается с приватизации государственной власти. В полном соответствии с такой схемой указанная

приватизация власти была осуществлена посредством номенклатурной расстановки кадров на все политически и административно значимые должности в государственном аппарате, судебной и правоохранительной системах, в спецслужбах и вооруженных силах, чтобы взять систему государственной власти и управления под тотальный контроль. Аналогично, номенклатурным образом были проведены назначения в руководящие органы как государственных и находящихся под контролем государства корпораций, компаний и банков с целью взять под контроль финансовые потоки, так и СМИ – чтобы взять под контроль информационное пространство страны. Параллельно посредством злоупотреблений законодательным ресурсом стал с ускорением раскручиваться маховик политической коррупции. Законодательство “совершенствовалось” с целью ограничения политической конкуренции, возможностей для легальной деятельности оппозиции и создания условий для доминирования псевдопартийного инструментария правящей номенклатуры в поле политики, и прежде всего на выборах всех уровней государственной и местной власти [Нисневич, 2012, с. 118–119].

В результате реализации проекта “вертикали власти” в постсоветской России окончательно сформировался авторитарный режим корпоративного типа, основой функционирования которого служит политическая и экономическая коррупция, а господствующим социальным слоем стала российская номенклатура, уходящая корнями в номенклатуру советскую. Сердцевину правящего политического режима составляет суперпрезидентская форма государственного устройства, для построения которой были деформированы конституционные модели политических и государственных институтов, установленные Конституцией РФ 1993 г. Такие деформации были проведены целенаправленно, чтобы перераспределить государственно-властные полномочия в вертикальную иерархию, которая схематично может быть описана следующей конической моделью.

Она включает внутренний, максимально изолированный от политического и гражданского контроля граждан конусообразный стержень исполнительной власти. От контроля общества этот стержень ограждает внешняя оболочка, состоящая из двух слоев – защитного и демпфирующего, которые образуют судебная и законодательная власть. На вершине всей иерархической пирамиды государственной власти и ее внутреннего конического стержня исполнительной власти располагается институт президентства, который полностью доминирует в системе государственной власти, концентрируя основные государственно-властные полномочия. Ниже по внутреннему стержню располагается лишенное статуса самостоятельного политического института правительство с его иерархической системой подчиненных федеральных органов исполнительной власти, пронизывающей ткань государства вплоть до регионального и местного уровня, причем наиболее глубоко вертикально интегрированными структурами силовых ведомств, подчиненных не столько правительству, сколько напрямую президенту.

Нижний уровень иерархической пирамиды государственной власти составляют также пирамидально организованные органы региональной власти. Для того чтобы обеспечить сквозную вертикализацию, упрочить и консолидировать под единоначалием института президентской власти прежде всего стержневую исполнительную власть, и был заменен демократический механизм всеобщих выборов высшего должностного лица субъекта Российской Федерации на механизм фактического назначения этого лица непосредственно президентом России. Но в результате такой сквозной вертикализации конический стержень исполнительной власти, на котором сегодня строится и держится вся вертикальная иерархия постсоветской России, стал предельно хрупким, не способным эффективно реагировать на непредвиденные социальные, экономические и политические возмущения, природные и техногенные катаклизмы. Это обусловлено нисходящим по такой вертикали повышением степени безответственности и уровня некомпетентности, ибо за все отвечает и все решает вышестоящая власть.

В такой вертикально централизованной системе государственной власти судебной и законодательной ветвям власти отведены не самостоятельные, а обслуживающие функции. Российская судебная система во главе с высшими своими инстанциями находится в прямой зависимости и под контролем прежде всего президентской, а также исполнительной власти – как на федеральном, так и на региональном уровне. Она подвержена систематическим номенклатурным изменениям кадрового состава, особенно на уровне руководства судебных инстанций. Поэтому любые российские суды сегодня не способны исполнять роль реально независимого арбитра. Многие судебные решения принимаются исходя не из права и действующего законодательства, а в соответствии с “политической целесообразностью” и по “телефонному праву”. Судебная власть активно используется как в конкурентной борьбе номенклатурно-олигархических группировок, так и в качестве защитного механизма, ограждающего президентскую и исполнительную власть от социальных и политических протестов.

Аналогичным образом законодательная власть и на федеральном, и на региональном уровне утратила характер всенародного представительства и лишена реальных полномочий по формированию законодательной базы государства и по контролю деятельности других ветвей и органов власти. Ее основная законодательная функция трансформирована во вспомогательную функцию процессуального оформления в виде законов решений президентской и исполнительной власти, а контрольная функция – в инструмент номенклатурной борьбы. Основной функцией законодательной власти стала имитация электоральной демократии, возможности реализации российскими гражданами их конституционного права на осуществление своей власти и участие в управлении делами государства через выборные органы, то есть демпфирование их политической активности. Для того чтобы ткань самого внешнего демпфирующего слоя, образуемого законодательной властью, была прочной и не имела разрывов, через которые к власти может прорваться политическая оппозиция, правящая номенклатура использует псевдопартийный инструмент – партию Единая Россия, доминирующее положение которой в партийной системе и избирательном процессе обеспечивается административными методами. При этом следует отметить, что защитный слой, создаваемый судебными органами, и демпфирующий слой, создаваемый законодателями, при нынешнем состоянии этих ветвей государственной власти проникаем как, естественно, для правящих, так и для стремящихся к власти номенклатурно-олигархических группировок.

Построение вертикальной иерархии государственной власти неизбежно приводит к деформации местного самоуправления, так как “вертикаль власти” не может не пронизывать все тело государства вплоть до местных сообществ. При сохранении автономного и децентрализованного местного самоуправления правительственная вертикаль осталась бы без органически необходимой ей жесткой опоры на самом массовом административно-территориальном уровне – уровне городских и сельских поселений.

* * *

Выстроенная правящей российской номенклатурой вертикальная иерархия политической и государственной власти постоянно демонстрирует свою неспособность устойчиво управлять делами государства и не монолитна. Это обусловлено тем, что выстроенную в виде вертикальной иерархии власть реализует лишенная внутренней иерархии и жесткости, тинообразная номенклатура, а постоянные конфликты и столкновения интересов борющихся за доминирование и ресурсы номенклатурно-олигархических группировок раскалывают монолит и по горизонтали, и по вертикали.

Поэтому архитекторы властной “вертикали” и вынуждены постоянно придумывать все новые и новые административные подпорки для укрепления созданной конструкции и для этого продолжают деформировать конституционные политические и государственные институты. Однако применение органически присущих авторитарному политическому режиму административных методов не приводит к повышению монолитности,

устойчивости и дееспособности вертикально централизованной системы политической и государственной власти, а ведет лишь к ее номенклатурному разбуханию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вольное сетевое сообщество “Диссернет” (<http://www.dissernet.org>).
- Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 2005.
- Гаман-Голутвина О.В. Меняющаяся роль государства в контексте реформ государственного управления: отечественный и зарубежный опыт // ПОЛИС. 2007. № 4.
- Дело о подмосковных казино. Весь сюжет // Российская газета (<http://www.rg.ru/sujet/4362/>).
- Дети высших российских чиновников, занимающие высокие посты // РИА “Новости”. 2012. 15 августа (<http://ria.ru/spravka/20120815/724193154.html>).
- Дети российских чиновников и бизнесменов, занимающие высокие посты // РИА “Новости”. 2013. 17 июня (<http://ria.ru/spravka/20130617/943789999.html>).
- Жохова А. Родные люди: чем занимаются родственники чиновников // Forbes. 2013. 25 октября (<http://m.forbes.ru/article.php?id=182348>).
- Жохова А., Васильев И. Родные люди: чем занимаются родственники чиновников // Forbes. 2014. 27 января (<http://m.forbes.ru/article.php?id=233547>).
- История политических и правовых учений (<http://www.bibliotekar.ru/istoria-politicheskikh-i-pravovuyh-ucheniy-1/154.htm>).
- Кожевникова Ю. Российские чиновники и бизнесмены покупают своим детям жилье за рубежом // Tranio.ru. Зарубежная недвижимость. 2012. 12 ноября (http://tranio.ru/world/analytics/rossiyskie_chinovniki_i_biznesmeny_pokupayut_svoim_detyam_zhile_za_rubezhom_3254/).
- Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М., 2005.
- Лапина Н.Ю. В России отсутствует стратегически мыслящая элита // Социально-политические процессы и экономическое состояние России. Материалы научного семинара. Вып. 1. М., 2005.
- Никольский А., Преображенский И. Бульбов сидит, скандал растет // Ведомости. 2007. 1 ноября.
- Нисневич Ю.А. Аудит политической системы посткоммунистической России. М., 2007.
- Нисневич Ю.А. Государство XXI века: тенденции и проблемы развития. М., 2012.
- Олсон М. Власть и процветание. Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. М., 2012.
- Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 4.
- Российский статистический ежегодник. 2013 (http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_13/Main.htm).
- Телевизионное обращение к гражданам России Президента В. Путина 17 мая 2000 г. (<http://www.kremlin.ru>. http://archive.kremlin.ru/appears/2000/05/17/0002_type63374type82634_28742.shtml).
- Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Интерактивная витрина. Коэффициент фондов (соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения) (<http://cbsd.gks.ru>).
- Черкесов В. “Нельзя допустить, чтобы войны превратились в торговцев” // Коммерсантъ. 2007. 9 октября.
- Hellman J.S., Jones G., Kaufmann D. Seize the State, Seize the Day: State Capture, Corruption and Influence in Transition. World Bank. 2000. Policy Research Working Paper № 2444 (http://econ.worldbank.org/external/default/main?pagePK=64165259&theSitePK=469372&piPK=64165421&menuPK=64166093&entityID=000094946_00091405494828).

© Ю. Нисневич, 2014